

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Холматжонова Комила Бахтиёр кизи

студентка 4-курса филологического факультета

Ферганского государственного университета.

Акбаров О.А.

доцент Ферганского государственного университета, научный
руководитель, г. Фергана, Узбекистан

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20522731>

ARTICLE INFO

Received: 20th May 2026

Accepted: 21st May 2026

Published: 30th May 2026

KEYWORDS

женский образ, русская литература, узбекская литература, национально-культурная специфика, сравнительное литературоведение, художественный конфликт, традиция, нравственный выбор, Абдулла Кадыри, Чулпан.

ABSTRACT

В статье рассматривается национально-культурная специфика изображения женщины в русской и узбекской литературе. Анализируются особенности художественного воплощения женского образа в контексте исторических, культурных и нравственных традиций двух литератур. Особое внимание уделяется соотношению универсальных и национально-специфических черт в изображении героини, а также проблеме взаимодействия личного чувства, семейного долга и общественных норм. Теоретической основой исследования выступают труды А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, Н.И.Конрада и Г.Д.Гачева, посвящённые сравнительному литературоведению и национальному образу мира. В статье рассматриваются женские образы в русской классической литературе XIX века и в узбекской прозе начала XX века, прежде всего в творчестве Абдуллы Кадыри и Чулпана. Делается вывод о том, что женский образ в обеих литературах становится важным средством раскрытия нравственного состояния общества, конфликта между личностью и традицией, а также художественного осмысления человеческого достоинства.

В настоящее время, национально-культурная специфика изображения женщины проявляется не только в выборе бытовых деталей, имён, одежды, семейных обычаев или социальных обстоятельств. Гораздо важнее то, какие ценности оказываются связанными с женским образом и какие конфликты через него становятся

художественно значимыми. В русской и узбекской литературах женский персонаж часто находится в точке пересечения личного чувства, нравственного закона, семейного долга и общественного ожидания. Однако сама структура этих ожиданий, способы их выражения и степень допустимости женского выбора зависят от национальной историко-культурной почвы. Так, важным остаётся наследие А.Н.Веселовского, который «рассматривал литературу в движении мотивов, сюжетов и форм. Его историческая поэтика показывает, что сходные художественные явления могут возникать в разных литературах не как простое заимствование, а как результат близких стадий культурного развития или общих потребностей художественного сознания.»¹ Это означает, что мотив страдающей женщины, верной возлюбленной, матери-хранительницы или героини, столкнувшейся с запретом, может быть типологически общим. Но конкретное воплощение такого мотива всегда определяется национальной системой ценностей. В свою очередь, В.М.Жирмунский, «развивая сравнительное изучение литератур Востока и Запада, настаивал на необходимости учитывать не только контактные связи, но и типологические соответствия, что литературы могут сближаться по проблематике и художественным формам, оставаясь при этом самостоятельными в национальной основе».² Так, русская литература XIX века выработала мощную традицию психологического анализа женской личности, тогда как узбекская проза начала XX века, формируясь в условиях обновления национального сознания, соединяла личную судьбу героини с вопросами семьи, просвещения, традиции, колониальной и социальной истории.

Однако, Н.И. Конрад, «рассматривая взаимодействие Востока и Запада, предостерегал от упрощённого противопоставления культур как замкнутых и неподвижных миров. И мировая литература мыслится как пространство исторических связей, взаимных переводов, восприятий и преобразований».³ Поэтому образ женщины в узбекской литературе нельзя объяснять только «традиционностью»; он связан и с модернизационными процессами, джадидским просвещением, обновлением жанра романа, включением национальной прозы в более широкий литературный контекст. В свою очередь, Г.Д.Гачев «предложил понятие национального образа мира, понимая под ним своеобразную систему культурного видения, в которой соединяются пространство, история, язык, психология, этика, ритм быта и художественное воображение народа».⁴ Если применить эту идею к женским образам, на наш взгляд, становится ясно и героиня в национальной литературе часто концентрирует представление о доме, роде, памяти, нравственной чистоте, красоте, терпении, стыде, чести, благословении старших. Но разные культуры по-разному распределяют акценты. В русской литературе женский образ часто раскрывает драму внутренней свободы и морального выбора. В узбекской литературе на наш взгляд, он нередко включён в пространство семейной и общинной ответственности, где личное чувство соотносится с авторитетом рода, обычая и общественного мнения.

Так, С.Мирзаев, характеризуя развитие узбекской литературы XX века, подчёркивает, что её «нельзя рассматривать вне общемирового литературного процесса, но одновременно она сохраняет собственную национальную индивидуальность. Здесь стоит выделить такие факторы, как национальная состоятельность литературы, включённость в историко-культурное образование XX века и присутствие в

¹См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 2019. С. 40–46, 299–307.

²См.: Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 2019. С. 66–84.

³См.: Конрад Н.И. Запад и Восток: статьи. М.: Наука, 2012. С. 14–28.

⁴См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 2008. С. 27–43.

диахроническом и синхроническом пространстве мировой литературы».⁵ Это означает, что узбекская литература соединяет традиционные представления о женщине с новыми художественными задачами: показать личность, её духовный мир, её право на чувство и достоинство, её зависимость от социальных механизмов и её нравственную силу. Особенно показательна в этом отношении проза Абдуллы Кадыри. Так, С.Мирзаев «определяет Кадыри как основателя узбекской романистики и подчёркивает, что «Минувшие дни» стали не только первым романовым образцом, но и художественно совершенным произведением, в котором историческая тема соединена с глубокой психологизацией персонажей».⁶ В системе романа женские образы не являются второстепенным украшением любовной линии. Кумуш и Зайнаб на наш взгляд, выражают разные стороны традиционного мира и красоту и верность, семейную зависимость и драму вынужденного выбора, внутреннюю чистоту и разрушительное давление обстоятельств. Так, Н.Каримов в работах, посвящённых Абдулле Кадыри, «обращает внимание на то, что писатель создаёт не схематические фигуры, а художественно убедительные характеры, укоренённые в национальной жизни и одновременно понятные широкому читателю».⁷ Наоборот, именно через конкретную национальную форму – дом, сватовство, семейное решение, честь девушки, отношение родителей раскрываются универсальные вопросы и имеет ли человек право на любовь, где граница долга, почему невинность может стать жертвой обычая, как общественная норма превращается в трагедию. Вообще, национально-культурная специфика женского образа проявляется и в творчестве Чулпана и рассматривается «как один из ключевых представителей новой узбекской литературы, связанный с просветительским и обновленческим движением. Так, С.Мирзаев подчёркивает особое место Чулпана в узбекской литературе XX века, его поэтический, прозаический, драматургический и критический талант».⁸ В свою очередь, русская литературная традиция имеет собственную логику изображения женщины. Начиная с сентиментализма и романтизма, а затем особенно в реализме XIX века, женский образ становится формой исследования внутренней жизни. Лиза у Карамзина, Татьяна у Пушкина, Катерина у Островского, Наташа Ростова и Марья Болконская у Толстого, Соня Мармеладова у Достоевского, Анна Каренина у Толстого – это это не один тип, а разные модели женской судьбы. Но их объединяет то, что через женщину русская литература часто проверяет нравственное состояние мира. Героиня оказывается в центре вопроса о совести, любви, верности, свободе, грехе, жертве, духовной стойкости. Однако стоит отметить, что в узбекской литературе женский образ также связан с нравственной проблематикой, но его культурная рамка иная. Здесь сильнее выражена связь героини с семьёй, родительским благословением, коллективной репутацией, традицией брака, устойчивыми представлениями о скромности и чести. При этом важно не превращать эту особенность в упрощённый стереотип. Узбекская литература показывает не только покорность женщины, но и сложность её внутренней жизни, её нравственную высоту, способность к любви, страданию, верности, сопротивлению обстоятельствам. В лучших на наш взгляд, произведениях женский образ становится не иллюстрацией обычая, а способом художественного анализа самого обычая.

Сопоставление русской и узбекской литературы позволяет выделить несколько общих линий.

- во-первых, женщина часто выступает хранительницей нравственного начала.

⁵См.: Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 5–8.

⁶См.: Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 145–151.

⁷См.: Каримов Н. Абдулла Қодирий қомуси. Тошкент: Akademyashr, 2016. С. 9–18, 75–91.

⁸См.: Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 160–167.

- во-вторых, женская судьба выявляет противоречие между личным чувством и социальной нормой.
- в-третьих, образ женщины помогает писателю показать кризис семьи и общества.
- в-четвёртых, героиня нередко оказывается более нравственно цельной, чем окружающие её мужчины.

Таким образом, изображение женщины в русской и узбекской литературе определяется сочетанием универсальных и национально-специфических начал. Универсальными являются темы любви, семьи, страдания, верности, долга, нравственного выбора. Национально-специфическими являются формы на наш взгляд, характер конфликта, структура семейных отношений, роль общественного мнения, эстетика портрета, способы речевой характеристики, авторская оценка. Однако при сопоставлении русской и узбекской литературы необходимо учитывать и различие жанрово-исторических траекторий. Русский роман XIX века к моменту зрелого реализма уже обладал развитой традицией психологической прозы, сложной повествовательной формой и устойчивым интересом к внутреннему миру личности. Узбекский роман формировался позднее, в условиях интенсивного обновления общественной жизни и литературного языка. Поэтому женский образ в узбекской прозе начала XX века часто одновременно решает несколько задач и вводит в роман любовно-семейную коллизию, раскрывает национальный быт, показывает давление традиции, обозначает проблему просвещения и нравственного обновления общества.

В свою очередь, в русской литературе женский образ нередко становится испытанием мужского мира. Мужские персонажи через отношение к женщине обнаруживают свою духовную состоятельность или нравственную слабость. В узбекской литературе подобная функция также присутствует, но она чаще связана с семейной и общинной структурой: отношение к женщине показывает не только характер отдельного героя, но и состояние всего социального уклада. Поэтому образ героини на наш взгляд, может выявлять скрытую жестокость обычая, противоречивость родительской власти, бессилие любви перед социальным соглашением. Вместе с тем национально-культурный анализ не должен превращаться в этнографическое описание. Одежда, интерьер, свадебные обычаи, формы обращения, бытовые детали значимы только тогда, когда они участвуют в создании художественного смысла. Например, дом в узбекском романе может быть не просто местом действия, а пространством семейного закона; письмо в русском романе может быть не просто предметом, а формой женского самораскрытия; молчание героини может быть не только психологическим состоянием, но и знаком культурного запрета. Не менее продуктивна категория «дома». В русской традиции дом может быть пространством памяти, любви и нравственного укоренения, но может стать и замкнутым миром, где личность подавляется бытовой или семейной властью. В узбекской традиции дом часто связан с родом, гостеприимством, иерархией старших и младших, женской честью, правилами семейного поведения. В женском образе эта пространственная символика особенно заметна на наш взгляд, героиня либо сохраняет дом как нравственную ценность, либо страдает от его закрытости, либо оказывается разорванной между домом и личным чувством. Ещё один методологический ориентир связан с понятием трагического. Женская судьба в литературе часто оказывается трагической не потому, что героиня обязательно погибает, а потому что её внутреннее достоинство сталкивается с такой системой обстоятельств, где полноценный выход невозможен. В русских произведениях это может быть давление сословной морали, брачных норм, религиозного чувства вины, общественного суда. В узбекских произведениях на наш

взгляд трагизм может рождаться из конфликта любви и родительской воли, из невозможности нарушить семейный порядок, из зависимости женщины от решений, принимаемых другими.

Важно учитывать и то, что женский образ может выполнять функцию нравственного зеркала. Через отношение к женщине в тексте обнаруживается истинная мера гуманности общества и признаёт ли оно личность, слышит ли её голос, умеет ли отличать долг от насилия, традицию от жестокости, любовь от обладания. Поэтому анализ женского образа неизбежно выходит за пределы индивидуальной характеристики. Он приводит к вопросам о типе культуры, о границах свободы, о социальной ответственности, о том, как литература защищает человеческое достоинство в ситуациях, где внешне господствуют обычай, закон или общественное мнение.

Список литературы:

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — Москва : Высшая школа, 1989.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. — Москва : Советский писатель, 1988.
3. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. — Ленинград : Наука, 1979.
4. Кадыри А. Минувшие дни. — Ташкент : Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 2004.
5. Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. — Москва : Наука, 1972.
6. Мирзаев С. История узбекской литературы XX века. — Ташкент : Фан, 2005.
7. Островский А. Н. Гроза. — Москва : Художественная литература, 1984.
8. Пушкин А. С. Евгений Онегин. — Москва : Эксмо, 2017.
9. Толстой Л. Н. Анна Каренина. — Москва : АСТ, 2016.
10. Толстой Л. Н. Война и мир. — Москва : Эксмо, 2015.